

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. А. Арутюнов

ДРЕВНИЕ МИФЫ И ИНОПЛАНЕТНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

Во втором номере журнала за 1976 г. читатели «Советской этнографии» могли познакомиться с рядом удивительных подробностей, имеющих в древнекитайской мифологии. Если взглянуть на них с определенной точки зрения, а именно с точки зрения читателя, знакомого не только с техническими достижениями нашей эпохи, но и с прогнозируемой ныне техникой будущего, широко представленной в различных научно-фантастических произведениях, то, действительно, как будто бы без особых натяжек встает образ инопланетных пришельцев, занятых на земле какими-то своими делами.

К чести автора упомянутой заметки надо сказать, что он не навязывает читателю поспешных выводов, не объявляет реальность инопланетных контактов в древности несомненной в свете этих преданий, как, к сожалению, до него поступали в аналогичных случаях многие зарубежные и советские авторы подобных публикаций. Он лишь констатирует: имеются определенные, весьма странного характера описания. Их можно истолковать по-разному, в том числе и так...

Но желательно было бы попытаться определить, есть ли необходимость прибегать к «инопланетному» варианту истолкования. Если бы такие, напоминающие нам технику настоящего и будущего описания имелись бы только в древнекитайских мифах, или хотя бы были привязаны пусть не к одному месту на Земле, но хотя бы к одному или двум более или менее четко очерченным хронологическим периодам, то тогда было бы над чем задуматься. Но дело в том, что сходные намеки можно при желании найти в мифах и эпосе множества народов, причем хронологически относящихся к самым различным периодам мировой истории. Либо таинственные пришельцы непрерывно хозяйничали на нашей планете в течение нескольких тысячелетий, и только с развитием писаной истории, с началом более или менее повсеместной и детальной регистрации исторических фактов сочли необходимым незаметно удалиться, либо в течение этих же тысячелетий устной литературе различных народов мира были присущи какие-то общие качества, которые нами подчас воспринимаются сквозь призму нашей привычки к межгалактическим научно-фантастическим сюжетам. Вспомним для начала одну довольно банальную истину: для художественной литературы каждой эпохи характерны помимо прочего определенные наборы фантастических образов, кочующие из одного произведения в другое. Что такое киберы, бластеры, роботы-дубли и нуль-транспортровка, может объяснить достаточно четко каждый мало-мальски читающий школьник. Эти блестящие достижения техники супергалактических цивилизаций настолько прочно вошли в обиход авторов современных научно-фантастических произведений, что в тех случаях, когда фабула все-таки обходится без них, читатель испы-

тывает смутное недоумение и неудовлетворенность. И этому отнюдь не мешает то, в данном случае совершенно несущественное, обстоятельство, что любой специалист по физике или кибернетике, мягко говоря, выскажет серьезное сомнение в возможности осуществления хотя бы в далеком будущем этих столь милых и привычных нам для чтения вещей.

Для писателей конца XVIII — начала XIX в. столь же естественно и привычно было вводить в свои произведения мертвецов, встающих из могилы. Этим весьма распространенным образом с успехом пользовались отнюдь не только литературные халтурщики, но и величайшие мастера художественного слова — вспомним хотя бы Н. В. Гоголя. Как видим, любой прием или образ сам по себе ни плох, ни хорош — от таланта писателя зависит, будет ли он выглядеть унылым штампом или блестящим самородком. Но это уже не относится к нашей теме...

Еще раньше, в средние века, редкий сочинитель рыцарских романов обходился без огнедышащего змея или птицы Рух, способной унести в когтях пару слонов. Фантазия — свойство, искони присущее природе человека, и возможности ее были безграничными всегда, хотя формы проявления оставались специфичными для своего времени.

Но вот отношение некоторых современных читателей к этим фантастическим образам, в зависимости от времени их создания, оказывается различным. Никто, конечно, не станет утверждать, что идея нуль-транспортировки подсказана наблюдением какого-то реального явления. Мысль о возможности встречи в реальной действительности с восставшим мертвецом способна напугать разве что очень маленьких детей, притом у очень плохих воспитателей. Птица Рух — образ более далекой эпохи, и в отношении ее можно встретить предположения, что этот образ отражает искаженные сведения о вымершей сравнительно в недавнее, во всяком случае уже историческое время, гигантской мадагаскарской птице — эпиорнисе. Действительно, вполне возможно, Марко Поло, утверждая, что Рух живет на Мадагаскаре, пользовался какими-то смутными сведениями об эпиорнисе (хотя эпиорнис и не летал, и со слонами никогда не встречался). Но на эти реальные сведения у знаменитого венецианца просто наложился гораздо более древний, возникший вне каких-либо реалий образ. Будь у Марко Поло сведения о новозеландских моа, он и их назвал бы рухом. Древние вавилоняне об эпиорнисе слышать не могли, но и в их легендах присутствует гигантский орел, на котором герой Этана пытался взлететь на небо, чтобы достать там волшебные травы и царские регалии.

В полете Этаны в наши дни кое-кто склонен видеть вовсе не религиозный жреческий вымысел (идеологический смысл его состоит в том, что царскую власть нельзя узурпировать, а можно лишь получить с соизволения богов), а реалистический рассказ о полете древнего жителя Земли в качестве пассажира на космическом корабле инопланетных пришельцев. Особенно часто попытки примыслить носителей какой-то необычно высокой технологической цивилизации делаются в тех случаях, когда в мифах и эпосах речь идет о факторах разрушения, будь то кара богов или волшебное оружие героев. И в разрушении вавилонской башни, и в гибели Содомы и Гоморры, и в битвах героев Махабхараты усматривали описание ядерного оружия. Между тем иссушающий солнечный зной, грозная мощь и быстрота распространения степных и лесных пожаров, помноженные на мастерство сказителя, вполне могут породить образы, современным читателем воспринимающиеся как картины ядерного взрыва. Вообще стихия огня, живые, пляшущие языки пламени, разлетающиеся искры способны стимулировать фантазию не только первобытного, но и современного человека. Поэтому искры и языки пламени часто появляются в эпосе и тогда, когда прямой «технической» необходимости в них нет. Герой древнеиндийского эпоса летит на птице Гаруде и видит, что из птицы исходят языки пламени — значит, это не

птица, а реактивный самолет! В мифах австралийских аборигенов есть эвкалипт, который летал, да еще имел четыре пламенеющих глаза — значит, это космическая ракета! Надо сказать, что у тех читателей, которые стремятся во что бы то ни стало найти в древних сказаниях отголоски космических контактов, еще все впереди, так как множество мифов с этих позиций пока не прочитано, а материала там найдется предостаточно. Обзор уже имеющихся истолкований читатель сможет найти в статье В. Рубцова и Ю. Морозова¹, но дополнить их можно практически из любого эпического или мифологического источника. Так, в осетинском нартском эпосе мы найдем кольчугу Церека — непробиваемую, самую собой являющуюся к герою при боевой тревоге (можно истолковать как автоматизированный скафандр), полет героя в стан врагов на гигантской стреле (самолет или ракета), золотые и медные лодки, действующие как подводные, наконец, совершенно уже фантастическое устройство — колесо Балсага, имеющее спицы, разбрасывающие искры, катящееся само собой, подрезающее ноги противнику, обладающее голосом и сознанием, но которое можно подчинить своей воле и использовать против прежних хозяев. Герой эпоса Батрадз не только летает на стреле и побеждает колесо, но имеет даже эпитет «стальной», раскаляется от жара битвы и испускает при этом «ужасный чад», уничтожающий половину вражеского войска (химическое оружие?). В него мечут не простые стрелы, но огненные, которые, однако, не причиняют ему вреда, и так далее.

Нередко образы, в одних мифах лишенные подобного «космического» или «технологического» оттенка, обнаруживают его при типологическом сопоставлении. Всем известен образ циклопа Полифема, которого победил хитроумный Одиссей. Он выжиг Полифему единственный глаз и бежал со своими спутниками из его пещеры. Но только специалисты знают, какие близкие аналоги этот образ имеет в разных памятниках древнего тюркского и иранского фольклора. При этом там циклоп уже нередко выступает как бронзовотелый или закованный в синее железо, и именно поэтому его единственный глаз — одновременно и его единственное уязвимое место. Тут уже очень легко примыслить параллель с непробиваемым защитным скафандром, в котором единственное слабое место — это смотровое стекло в шлеме.

Нет смысла здесь далее перечислять попытки найти отзвуки сведений об инопланетянах в различных древних литературных произведениях — об этом писалось уже достаточно много. Характерно, что во всех этих случаях та техника, которую пытаются разглядеть за фантастическими образами древних авторов, — это всегда техника XX в. Те же непонятные и сверхъестественные описания, которые с этой точки зрения «расшифровке» не поддаются, просто оставляются без внимания. А между тем их гораздо больше. Здесь мы попробуем рассмотреть в этом плане только один древний литературный памятник — ирландские саги.

Ирландские саги, созданные около полутора тысяч лет тому назад, отражают ряд реальных событий, происходивших в Ирландии в начале нашей эры. В них много реалистических деталей, отражающих культуру Ирландии той поры. Вот, например, как описывает сага оружие героев: «...два парных больших щита, восемь малых щитов с острыми бортами, восемь дротиков, восемь мечей с рукоятками из рыбьего зуба (так назывался высоко ценившийся клык нарвала или моржа. — С. А.) и восемь копий, отделанных рыбьим зубом..., тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна...», их утварь — «стеганные одеяла, подушки, всякие цветные одежды из льна и шерсти, медные ведра, серебряные пряжки с золотыми остриями» — эти строчки похожи на инвентарную опись коллекции большого этнографического музея. Но столь же

¹ «Звенья космического контакта». — В сб.: «Фантастика-75—76», М., 1976.

бесстрастным тоном саги дают и другие описания, описания вещей, не похожих ни на одну из известных нам даже ныне.

В саге «Сватовство к Эмер», например, описывается «мост срыва». «Вот как был устроен этот мост. Оба конца его опускались книзу, середина же высоко вздымалась. Когда кто-нибудь вступал на один конец, другой конец подымался вверх и идущий отбрасывался назад».

А вот несколько иное описание в принципе такого же моста: «На острове была крепость с воротами из чистой бронзы. Стекланный мост вел к ней. Они несколько раз пытались перейти мост, но всякий раз какая-то сила отбрасывала их назад».

Что это такое? Силовое поле? Блокирующее устройство при входе в какое-то временное сооружение неведомых пришельцев, обладающих еще неизвестными нам техническими возможностями?

Герой саг, Кухулин, все-таки одолел «мост срыва», перепрыгнув его «геройским прыжком лосося», но для этого предварительно ему пришлось «чудесно исказиться». Кухулин вообще в особо критических ситуациях «чудесно искажался», причем разные саги весьма сходно и подробно описывают это искажение. Кухулин вздувается и расширяется «как бычий пузырь», увеличивается в росте, один глаз его уходит глубоко внутрь, другой выкатывается наружу, огромный как котел. Из его зубов извергается пламя, над головой сверкают молнии. Шире, тверже и выше мачты корабля из головы его бьет вверх струя крови и рассыпается на четыре стороны, отчего в воздухе образуется туман, подобный столбу дыма над домом.

Опять-таки, техника XX в. не знает ничего, что могло бы соответствовать такому описанию. И все-таки можно вообразить себе род какого-то скафандра, являющегося одновременно универсальным средством передвижения отдельного космонавта. Скафандр частично надувной, с выдвигающимся окуляром, молнии и струя могут быть результатом работы двигателя, приводящего скафандр в движение. Костюм друга и соперника Кухулина, Фердиада, носит еще более «скафандрообразные» черты: «Он надел на свое белое тело шелковые штаны с золотой каймой. Поверх них он надел другие штаны из коричневой кожи. Спереди он прикрепил к ним большой крепкий камень величиной с мельничный жернов. Поверх этого он надел третью пару штанов, глубоких, из литого железа. На голову же он надел свой шлем, с гребнем, с сорока самоцветными камнями, отделанный эмалью: кристаллами, светящимися изображениями». «Снарядившись так, Фердиад начал совершать выско в воздухе разнообразные удивительные приемы ловкости».

Удивительно и непонятно устройство того оружия, которым Кухулин сразил Фердиада — «рогатого копья». «Вот так оно было устроено: оно погружалось в воду и металось двумя пальцами ноги. Единое, оно внадралось в тело тридцатью остриями, и нельзя было вынуть его иначе как обрезав тело кругом». «Пробило копьё штаны из литого железа, раздробило на трое камень, и сквозь одежду вонзилось в тело, наполнив своими остриями каждый член, каждый сустав». Опять-таки перед нами какое-то сложное техническое устройство, никак не укладывающееся в рамки времени начала нашей эры.

Конечно, если не в современной технике, то по крайней мере в современной фантастике можно найти какие-нибудь соответствия и такому ужасному оружию, как «рогатое копьё». Но не проще ли будет прийти к выводу, что человеку в его художественных произведениях всегда был присущ (и в древности, и ныне) неограниченный полет фантазии. Отражал он, однако, вполне реалистические мечты человека о несравненно большем, чем имеющееся на данном уровне, техническом могуществе — о невиданно быстрых и вездеходных средствах передвижения, о могущественных орудиях, о непреодолимых средствах защиты. И этот полет фантазии создавал (и создает ныне) бесконечное разнообразие конкрет-

ных форм воплощения этих общих устремлений. При бесконечно большом разнообразии таких образов неудивительно, что некоторые из них, даже созданные весьма давно, в чем-то оказались отдаленно схожими с реальными достижениями XX в. — самолетами, космическими кораблями, атомными взрывами. Еще большее количество таких образов, как видим, лишь с трудом может быть сопоставлено с предвидимой сейчас техникой будущего — силовое поле (но в этом случае мы лишь сопоставляем фантастику древнюю с фантастикой современной) — или вообще ни с чем не может быть сопоставлено.

Вывод, к которому, как мне кажется, можно прийти, таков: те необычные, не укладывающиеся в круг исторически известных фактов феномены, которые описываются в древних художественных произведениях, или тем более в произведениях религиозных, по самой своей природе фантастичны и поэтому не могут служить основой для предположительной реконструкции реальных событий, будь то контакты с инопланетными пришельцами или даже более земные по своему характеру события типа грандиозных наводнений или землетрясений (Атлантида), разумеется, за исключением тех случаев, когда они подтверждаются другими источниками, например археологическими, или же свидетельствами очевидцев, рассказами путешественников, историческими хрониками, отчетами (как сообщение о робозерском феномене)², т. е. такими документами, в которых элементы фантазии, хотя и не могут быть полностью исключены, но не являются по крайней мере органически им присущими, как это бывает в художественных или религиозных текстах. По этому признаку резко отличаются друг от друга, например, ирландские саги и исландские (и вообще скандинавские) саги, хотя их и принято обозначать одним термином. В исландских сагах доминирует повествование документального характера, и поэтические приемы, которыми вообще-то древнескандинавская литература очень богата, в них практически не используются. Ирландские саги, напротив, прежде всего — художественное произведение, которое может включать отголоски реальных событий, но главной целью имеет создание эмоционально впечатляющих образов.

Поэтому сага об Эрике Рыжем может рассматриваться как источник о плаваниях норманов в Америку, а такие ирландские мореплавательские саги, как «Плавание Мак-Дуйльна» или «Плавание Брана», вряд ли могут быть свидетельством реальных путешествий в отдаленные страны.

Что же касается конкретно преданий о легендарном периоде древнекитайской истории, то не исключено, что отдельные их части в той или иной мере отражают реальную историческую действительность, но выделить эти части будет возможно лишь по мере накопления археологического материала по соответствующим эпохам. Это, очевидно, должно быть общим правилом в подобных случаях — идти от археологического материала, как первичного, к истолкованию фольклорного, как вторичного, но не предвирать вторым первого. Мифы же, не подкрепленные материалом других источников, должны и рассматриваться только как мифы — свидетельства вечной и бесконечной человеческой фантазии.

² Робозерский феномен — явление, наблюдавшееся 15 августа 1663 г. в Робозерской волости Белозерского уезда. По описанию, имеющемуся в документах Кирилло-Белозерского монастыря, более всего походит на гигантскую шаровую молнию. Подробнее см. Ю. Росциус. Робозерское диво. В сб.: «Фантастика — 71», М., 1971, с. 326.